

«Останешься жив – напиши...»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПРАВДА

Газета основана
5 мая 1912 года
в.и. лениным

Орган Центрального Комитета КПРФ

№111 (31043)

16+

19 ноября 2020 года

Цена свободная

В этот день 78 лет назад, 19 ноября 1942 года, началось историческое наступление советских войск под Сталинградом, ставшее переломным не только в Сталинградской битве, но и во всей Великой Отечественной войне. Боевым товарищам посвятил свои заметки участник тех событий – многолетний замечательный автор «Правды» Игорь Григорьевич Гребцов.

Игорь Григорьевич Гребцов

Из Сталинградской тетради

Так получилось, что на стыке января и февраля сорок четвёртого года, в самый разгар Корсунь-Шевченковской битвы, которую солдаты называли «Малым Сталинградом», меня, командира отделения роты связи, вызвали к начальнику политотдела 252-й стрелковой дивизии полковнику Соколову и предложили перейти в «дивизионку», то есть дивизионную газету, на должность литературного сотрудника, или, как тогда было

принято называть, военного корреспондента.

Я согласился.

Провожали меня на новое место службы мои дорогие друзья-связисты. Взводный, лейтенант Евгений Слостёнин, пожимая мне руку, сказал: «Игорь, останешься жив – напиши о нас, о нашей роте, о нашей ударной дивизии». Слова эти навсегда запали в душу, и я делал всё возможное, чтобы выполнить наказ своего командира...

В моём письменном столе хранится тетрадь, прошедшая со мной по военным дорогам от Волги до Дуная. Кроме сочинённых мною в пору войны стихотворений и разных пометок, в ней фотокарточка мамы – Павлы Васильевны Сиверцевой, вырезка из районной газеты со снимком моей первой учительницы Анны Васильевны Ворошиловой, награждённой медалью «За трудовую доблесть», портрет Виссариона Григорьевича Белинского, со знаменитым письмом которого к Гоголю я познакомился ещё в пятом классе нашей Ужурской школы. С тех пор автор письма, образно говоря, стал моим маяком в жизни. Там же, в этой тетради, сохранились миниатюрные фотографии моих фронтовых друзей.

Когда бывает особенно трудно, когда обуревают грустные думы, я вынимаю из письменного стола этот изрядно потрепанный самодельный «сборничек». И невольно вспоминаются далёкие-далёкие годы, в которые, думается, многие из нас, запечатлённые на пожелтевших от времени страницах, живые и мёртвые, сделали своё самое главное дело – выстояли и победили.

В этих заметках я не претендую на полноту изложения событий нескольких месяцев битвы за Сталинград. Слишком мала «высотка» младшего сержанта, чтобы писать не то что за фронт, на котором порой всё висело, что называется, на волоске, но даже за свою роту связи. Наконец, в рамках десятка страниц трудно уместить всё, что помнится о друзьях-товарищах, с коими меня свела война.

Многие из нас впервые понюхали пороху именно под Сталинградом, в районе Грачёвой балки, – так по-местному называются там овраги. Впереди, в десятках километров от нашего переднего края, была станция Гумрак. С аэродрома, расположенного неподалёку от неё, к нам ежедневно наведывалась «рама» – немецкий самолёт-разведчик: что-то выискивал, что-то высматривал, затем улетал, а вслед за ним тянулись тяжёлые «юнкерсы» и «хейнкели», начинённые бомбами. И начинался, как мы говаривали, «концерт».

Наши контратакующие удары по врагу стоили нам многих жизней. Чуть позднее, когда мы перешли в наступление, мой товарищ – поэт Сергей Тельканов читал мне стихотворение «Грачёвая балка»:

Война здесь тогда обошлась с нами круто.

Швыряла в нас тонны свинца и тротила.

Почти полдивизии за трое суток

Она, как бурьян, беспощадно скосила.

Здесь, в районе Грачёвой балки, закалялось наше товарищество. Не знаю ничего прочнее фронтовой дружбы, когда и кусок хлеба или глоток воды – пополам, и самокрутка – на двоих, а если потребуется – и жизнь за друга многие готовы были положить.

* * *

Все мы, конечно же, понимали, что бои будут жаркие, что кто-то там, впереди, сделает свой последний шаг.

Говорят, первая потеря друга воспринимается особенно тяжело. Видимо, в этом есть свой резон. Но привыкнуть к потерям друзей невозможно. Поэтому и первая, и последующие, к сожалению, неизбежные в условиях войны потери оставляли в сердцах каждого из нас незаживающие раны.

Для меня первой такой потерей стала гибель сержанта Василия Перевозчикова. Среди нас, связистов, он вроде бы ничем и не выделялся. Разве только тем, что к делу относился более серьёзно, всегда был сосредоточенным, подтянутым. Был он с Урала. Алёша Агеев, Сергей Журавченко, Георгий Пушкин, Павел

Живодёров – все они, как и я, сибиряки. Но Урал, частенько говаривали мы, чалдоны, – родной брат Сибири. Может быть, и поэтому дружба наша крепчала не по дням, а по часам.

Будничны дела у связистов. Размотал катушку провода на наблюдательный пункт, устроился поудобнее в окопе или, если повезёт, в блиндаже и кричи себе в трубку: «Берёза, Берёза, я – Сосна, как слышите? Приём». Подзывай, когда надо, командира на связь, следи, чтобы линия работала исправно, не зевай, если атака противника достигнет твоего рубежа... Вот, собственно, и всё.

Но снаряды и мины не спрашивают разрешения, где им падать. Взрываются и там, где расположена «нитка» связи. Она, естественно, рвётся. И тогда...

– Перевозчиков, на линию!

– Кузьменко, устранить порыв провода!

И Василий Перевозчиков, и Владимир Кузьменко, и я, и кто-то ещё другой где ползком, а где-то и во весь рост, если складки местности позволяли, отправлялись по линии связи. Бывали случаи, когда за день многие из нас по нескольку раз уходили, как мы говорили, «в неизвестное», отыскивая место повреждения связи, скручивали отброшенные взрывом, а ещё хуже – смотанные гусеницами танков концы провода. Потом подключались к «нитке» и проверяли, работает ли связь в оба конца...

Никогда не забуду день гибели Васи. Поздно вечером, на вторые сутки боёв в балке, я возвращался с наблюдательного пункта, расположенного в районе подбитых танков, куда чаще всего приходилось давать связь. В нескольких сотнях метров от НП и встретились мы с Перевозчиковым.

Обменялись рукопожатиями, поговорили о том о сём. Бросилась мне в глаза большая, чем обычно, сосредоточенность Васи. Потом он протянул мне руку и проговорил с какой-то отрешённостью:

– Ну мне пора. Прощай...

– Почему это – «прощай»? До свиданья, – ответил я.

Мог ли я думать тогда, что через час, вернувшись в Грачёвую балку, узнаю о гибели своего товарища?

– Только что сообщили с наблюдательного пункта, что осколком снаряда убит Василий Перевозчиков, – с трудом произнёс Дмитрий Филатов.

Эта весть больно ударила по сердцу. Припомнилось его «прощай». Резанула мысль: неужели предчувствовал? Долго казнил я себя: почему после того «прощай» не задержал друга, не отправил его обратно, не ...

Василия Перевозчикова мы похоронили в Грачёвой балке со всеми полагавшимися ему – по его солдатскому рангу – воинскими почестями. В моей тетради появилось стихотворение, посвящённое другу. Приведу лишь одну из строф:

***..Отомстим же, друзья!
И в атаку бросаются яро,
И «ура» над полком
Прогремело опять и опять.***

***И не выдержал враг
Штыкового удара.
И смешался, и дрогнул,
И в панике бросился вспять.***

Со спазмой в горле читал я эти строки над могилой своего друга...

В конце войны, а точнее 9 мая, в Братиславе, в армейском госпитале, отметив нашу Победу, я вчерне написал поэму «Памяти друга», посвятив её Василию Перевозчикову.

* * *

Выше я уже называл имя Дмитрия Филатова. Самый маленький среди нас, он, как и положено, стоял в строю роты, когда она вместе с полками дивизии, после удачных боёв переходила на новые

места, на левом фланге.

– Я маленький, – бывало шутил Дима. – Меня пуля не поймаёт.

Но пуля «поймала» Филатыча, как все мы любовно называли Дмитрия. Ранение оказалось лёгким, кажется, в руку. Уходить солдату от нас не хотелось. Понимал: если направят в госпиталь – прощай рота. Паренёк добился, чтобы не отправляли в госпиталь, а оставили в медсанбате дивизии. Откуда, известное дело, можно вернуться в свою роту, к друзьям. Так оно и случилось. Вскоре левый фланг строя снова занимал неунывающий Филатыч.

А между тем за огненным октябрём последовал не менее огненный ноябрь. В одну из ночей нашу дивизию сменила другая воинская часть, и мы, с наступлением темноты следующего дня, двинулись на северо-запад. Никто, кроме нашего командования, не мог тогда знать, что наш марш-бросок на добрые сто восемьдесят километров в ночное время (днём мы, как могли, маскировались) был преддверием наступательной операции Сталинградской битвы. С Волги наша дивизия перешла к Дону, в район станции Клецкая. Из Сталинградского фронта – в Донской.

И вот – 19 ноября сорок второго года... Начало, пожалуй, самой знаменитой в истории Великой Отечественной войны наступательной операции. Танковые части и матушка-пехота, прорвав оборону противника, в считанные дни окружили более чем трёхсоттысячную фашистскую армию, штурмовавшую город на Волге.

Мы стремительно наступали по степным просторам междуречья. Приближался декабрь. В степи, на пронизывающем до костей ветру, мне, сибиряку, пятнадцатиградусный мороз казался куда нестерпимее таёжного сорокоградусного. Снежная пурга с песком слепила глаза, затрудняла возможность ориентироваться на местности.

Вспоминается в связи с этим такой случай.

В одну из ночей сержант Николай Пустовитов и рядовой Дмитрий

Филатов, о ранении которого я уже рассказывал, тянули провод на наблюдательный пункт артиллеристов. Ветер ли, несущий песок, или не очень точные ориентиры, полученные связистами, вывели их к проступившему в ночной мгле силуэту дома, расположенного на окраине небольшого хуторка.

Парни залегли. О хуторе, когда им ставилась задача, разговор был. Ожидали возвращения разведчиков, но те запаздывали.

– Выходит, мы проскочили наблюдательный пункт, – заметил Пустовитов. – Но есть ли в хуторе люди?

Наконец, ветер, тянувший со стороны домика, донёс явно немецкий говорок. Сомнений не могло быть: в хуторе немцы. Более того, приглядевшись, связисты заметили возле дома замаскированные танк и пушку.

Решение созрело мгновенно. Ползком отойти на триста метров от дома, подключиться к линии связи и обо всём доложить командиру роты капитану Макарову.

– Только что вернулись разведчики, – сообщил капитан. – Они установили, что в хуторе, давно оставленном местными жителями, обосновались немцы... Кстати, рядом со мной командир артдивизиона. Я передаю ему трубку.

– Сержант Пустовитов, приходилось ли вам корректировать огонь артиллерии?

– Дело знакомое.

– Через несколько минут артдивизион ударит по окраине хутора. Сообщите, где разорвутся снаряды.

Огонь артиллеристов, корректируемый связистами, был точен. Затем хутор был атакован стрелковым батальоном, занимавшим позиции в полукилометре от связистов. Противник вынужден был оставить хутор и отойти в степь.

* * *

В нашей роте появился фельдшер – Андрей Кондратьевич Годовых. До этого он весь грозный сорок первый и добрую половину сорок

второго исполнял обязанности санинструктора. Слово «санинструктор» мало что говорит. На самом же деле воин-санинструктор в разгар боя находится на переднем крае, спасая раненых.

Годовых выносил, а то и буквально выволакивал раненых солдат и офицеров, образно говоря, с того света в безопасное место, перевязывал, всячески успокаивая их, а затем с возницей клал на повозку, отправляя в тыл, а сам возвращался туда, где «поют» пули и рвутся снаряды и мины.

Связистам полюбился этот скромный во всём человек. Кто-то из нас прозвал его «братом милосердия». И он приступил к своей новой обязанности фельдшера в более уже спокойных условиях. Хотя и на дорогах связистов рвались снаряды и свистели пули.

В октябре сорок второго года в дивизионной газете появился список награждённых орденами и медалями солдат и сержантов. Среди них значились Годовых и автор этих заметок. Годовых удостоен ордена Красной Звезды, мне – медаль «За боевые заслуги». То было первое награждение приказом командира дивизии от имени Президиума Верховного Совета СССР. Ранее наградные листы направлялись в штаб армии, а оттуда в Москву.

Нас вызвали на командный пункт дивизии. Из землянки вышли комдив полковник Шехтман и начальник политотдела полковник Соколов.

Первым был назван Годовых. Он подошёл к командиру дивизии, как помнится мне, в телогрейке, надетой поверх гимнастёрки. Комдив поздравил Андрея Кондратьевича с высокой наградой и приказал адъютанту прикрепить орден не к гимнастёрке, а к телогрейке.

– Пусть и другие воины санитарной службы, – сказал комдив, – видят, что оказание медицинской помощи раненым, борьба за их спасение у нас приравниваются к боевым подвигам.

Весь период Сталинградской битвы Годовых носил этот орден на телогрейке.

– Был и такой случай, – рассказывал мне Годовых. – Шёл бой. От сильного миномётного обстрела и бомбёжек крепко досталось и нам, медикам. А когда обстрел утих и самолёты противника улетели, товарищ указал на мой орден. У него оказалась отбитой эмаль на двух углах звезды. Мне предлагали подремонтировать его, но я не стал этого делать – так и ношу орден, полученный под Сталинградом и «раненный» там же.

Уже после войны, когда в начале семидесятых годов в Москве был создан Совет ветеранов нашей 252-й Харьковско-Братиславской Краснознамённой орденов Богдана Хмельницкого и Суворова дивизии, я встретился с Андреем Годовых. Он был секретарём этой общественной организации. Затем наши встречи проходили 9 Мая не только в Москве, но и в Сталинграде, Харькове, Унгенах и на Днестре, в городе Комсомольске. На одной из них я прочитал своё стихотворение «Санинструктор». Привожу отрывок из него:

*Друг, Кондратич, присядем рядом.
Вспомним прежние времена,
Как прикладом и как снарядом
Нас испытывала война.
Не забыть тебе сорок первый,
Грозный Северо-Западный фронт...
У солдат, словно струны, нервы,
Грохот взрыва и чей-то стон.*

*И у смертушки на краю
Ты спасаешь солдат в бою.*

*Ранен был. Оклемався малость,
Отоспался в палате всласть,
И прибыть тебе предписали
В Верещагино, в нашу часть.*

*Мы на фронт уезжали снова.
К Сталинграду пришла беда.
Жаркий бой у балки Грачёвой
Не забудется никогда.*

*Не забудутся Пять Курганов,
Высота «Сто двенадцать и пять»...
Несть числа перевязанным ранам,
Но вперёд под огнём ураганным
Ты, Кондратич, ползёшь опять.*

*Вновь у смертушки на краю
Ты спасаешь солдат в бою.*

* * *

Не могу не сказать о самом старшем из нас, солдат и сержантов роты, о Павле Васильевиче Живодёрове. Он был старшиной – и по званию, и по должности, и по возрасту. Нам было по восемнадцать – двадцать лет, ему – в два раза больше. Нам он, понятно, казался старым.

Как-то в последние дни Сталинградской битвы увидел я у Павла Васильевича кисет, вышитый чьими-то умелыми руками.

– Какой красивый кисет у вас, товарищ старшина! – невольно вырвалось у меня.

– Да... Кисет, можно сказать, мировой. Дочурка вышила и прислала мне на фронт с другими подарками к моему сорокалетию. И была записка от дочки и жены. Хочешь – прочитай.

Павел Васильевич бережно вынул из нагрудного кармана гимнастёрки сложенную вчетверо бумажку и протянул мне:

«Дорогой папочка, скоро тебе исполнится сорок лет, и мы с мамой сговорились послать тебе эту посылку. Будь здоров, любимый папочка, береги себя ради нас...»

– Если останусь жив, приеду домой, выну кисет и вот эту записочку и скажу: сохранил я, милые мои люди, вот этот памятный ваш подарок, а вместе с ним и любовь к вам. Ваша забота помогла мне выжить в самые трудные минуты...

Слушал я старшину и с благодарностью вспоминал, как в том же сорок втором нечто подобное испытал и сам

* * *

А случилось это в канун Нового, сорок третьего года. Нашу 252-ю вывели на несколько дней во второй эшелон отдохнуть. В этот последний день уходящего года я, как и многие мои однополчане, впервые за время наступательных боёв помылся в наскоро сделанной баньке, сменил бельё.

А между тем наступал вечер. Георгий Пушкин ушёл к кухне с котелками на троих. Я подбрасывал в небольшую печурку собранные в соседней балке щепки от ящика из-под артиллерийских снарядов. Юра Бутыркин прилёг и, видимо, заснул. В это время в нашу землянку заглянул он, старшина роты Павел Васильевич Живодёров.

– Привет, сержант, – пробасил мой енисейский земляк. – Командир роты капитан Макаров приказал передать тебе вот эту штуковину. – И он протянул мне какой-то свёрток. Я взял свёрток, приоткрыл дверцу печурки и при свете горящих щепок прочитал надпись на холщёвой ткани: «В Сталинград. Храброму солдату». Так это же посылка из нашего тыла! Возможно, из родной Сибири!

В это время в землянку с котелками спускался Пушкин. Мы распечатали посылку...

О том, что было в свёртке, я рассказал в своей небольшой поэме «Тётка Марья», взяв в качестве эпиграфа слова из советской песни: «Иванами да Марьями гордилась ты всегда».

1

Сорок третий.

Сталинград.

Февраль.

День и ночь в степи метёт пурга.

Русского штыка и танка сталь

Подавила хищного врага.

Ти-ши-на...

Колонна пленных вдаль

Растянулась, может, на версту...
О, февраль!
Короткий наш февраль,
Обозначивший Побед черту!

Не поёт над головой свинец.
Дружно отсыпаятся полки.
Сталинградских битв настал конец,
Тишина у матушки-реки.
Фронт ушёл далёко-далеко,
И в немой оглохшей тишине
Дышится привольно и легко,

Словно бы идёт конец войне;
Словно бы свалилась с плеч гора,
Словно завершилась та война...

Ни-и-и «Вперёд за Родину! Ура-а!»
Тишина... Какая тишина!

2

И в такой вселенской тишине
Старшина принёс посылку мне:
– Получай, солдат, и будь здоров!
И... Навек забудь про докторов...
Старшина у нас шутник большой.
Улыбнулся. Руку протянул.
Как по званию ему меньшей,
Я тотчас, конечно, козырнул:
– Очень рад посылке, очень рад!
На холсте читаю: «Сталинград,
Храбромому солдату», – На холсте
Значатся такие вот слова.
(Надпись та простая, Буквы те
В памяти, Которая жива!)

Развернул посылку – письмецо.
Кровь стрельнула на моё лицо.

Вчитываюсь я: «Сыночек мой,
Посылаю варежки, носки,
Тёплое бельё, сынок, носи,
Возвернись живым к себе домой».
Подпись: «Тётка Марья» В уголке.

Дрогнуло послание в руке.
Я кручу письмо и так и сяк,
И повдоль смотрю, и накосяк,
Ни села, Ни улицы в нём нет,
Дома нет, Куда б послать ответ.
Просто: «Тётка Марья».

3

Кто ж она?
Может быть, солдатская жена,
Может быть, и муж её, и я
Защищали волжские края,
Может быть, сыночек на войне?..
Только почему посылка мне?
Значит... Значит, думаю, она
Вовсе никакая не жена,
А вдова, Каких полным-полно...
И в глазах моих темным-темно.
Ну а может, сын погиб в бою
За Отчизну милую свою,
И она, судьбу свою кляня,
Сыном нарекает вот меня.
Кто же ты, родной мой человек? –
Буду помнить я тебя свой век.

...Тёплые вещички разделили,
Фляжку из посылочки распили
За здоровье тётки. Ну а я
На восток смотрю, в её края...

4

Здесь у нас, на Волге, – тишина.

Далеко на западе – война.
Там, у Курска, в эти дни и ночи
Залпами война ещё грохочет.
Отдохнувшим нашим батальонам
Подана команда: «По вагонам!»
Значит... значит, едем мы туда,
Где ещё военная страда.
И в пути-дороге, и в боях,
Тётку Марью вспоминаю я.

5

«Тётка Марья!» – я шепчу в траншее.
Автомат мой, как всегда, на шее.
«Тётка Марья! – я во сне кричу. –
Адрес твой, – кричу, – узнать хочу!»
«Тётка Марья! – я твержу во поле. –
Ты ж молчишь... Доколе? О, доколе?!
Мне бы знать твой адрес, твой посёлок...»
У виска проносится осколок
От снаряда... только снова я
На восток смотрю, в её края.

6

Многое в боях с врагом изведав,
Возвернувшись, наконец, с победой
В дальние и близкие края, –
И поныне вспоминаю я
Тётку Марью. Там, под Сталинградом,
Весточка её была наградой
Для меня, бойца, в минуту ту –
На своём, На боевом посту.

7

...Пули и осколки завывают,
Снятся Сталинградские бои...
Мне и нынче руки согревают,
Тётка Марья, варежки твои.

19 ноября 2020 года

Игорь Гребцов, фронтовик Великой Отечественной.